
Алексей Малашенко

Знать или не знать?

Рассказ

До города Олег добирался долго, но как-то незаметно. Зачем он отправился в этот город, Олег не понимал. Значит, надо было. Сначала ехал на поезде, потом на желтом автобусе, потом на другом автобусе, тоже желтом. Потом шел через поля, потом лесом. Дошел. Перед входом в город был поднятый шлагбаум. Олег миновал его и зашагал по улице. С домами, перекрестками, с деревьями. С прохожими.

Он удивлялся: шедшие мимо люди, даже катившие детские коляски женщины, двигались с одинаковой скоростью.

Повсюду были часы — на перекрестках, над каждым подъездом, над каждым входом в магазин. Огромные циферблаты зависли над шершавой площадью, на углу которой Олег остановился. Был полдень. Но часы молчали. Стрелки проползали верхнюю точку, тишина продолжалась.

На Олега никто не смотрел, но все же внимание к себе он ощущал.

Олегу нравилось бывать чужим, случайным. Он умел соблюдать правила общения, вовремя сказать, вовремя слушать, когда надо — поддакивать, когда надо — возражать. Главное — он оставлял за собой право в любую минуту подняться и уйти. Вежливо и быстро. Ему никто не был нужен, зато и он не был нужен никому.

Олег попробовал перехватывать взгляды прохожих. Но на лицах не было выражения. Хотя нет, выражение было. Только что оно выражало?

Олег присел на скамью с железными ножками. Немного лип, две простенькие никчемные елки, сувенирные магазинчики. Тяжелый памятник: неуклюжие руки, шершавая голова, даты рождения и смерти. Олег прочитал фамилию памятника. Он о нем не слышал.

К Олегу подошел парень лет двадцати — сорока в яркой куртке. Олег почувствовал, что парень на что-то зол.

Парень коснулся Олега рукой. Он пах водкой. Или виски. Олег догадался, что этого человека не избежать, что придется разговаривать, может, поскандальить, смолчать не получится.

— Интересуешься?

— Сколько времени? Который час? — спросил Олег.

— Что? — Тот вздрогнул. По лицу пробежала морщина. — Для кого который час?

Малашенко Алексей Всеволодович — российский востоковед, исламовед, политолог. Доктор исторических наук, профессор. Один из ведущих российских специалистов по проблемам ислама.

Олег сообразил, что обидел этого человека и ему придется оправдываться за свой вопрос.

«Сколько времени?» его не раз выручало, помогало избежать конфликтов. Теперь «сколько времени?» оказалось нехстати.

— Тебе не все равно? — отозвался парень. — Тебе зачем? — Он вдруг размахнулся и ткнул Олега в грудь. Олег устоял. Но его правая рука отлетела в сторону и как-то сама по себе оказалась возле уха парня. Но драки не получилось. К ним уже подходили два полицейских, один — молодой, другой — постарше. Молодой обхватил сзади хулигана, а его напарник положил руку на плечо Олега.

— Пойдемте с нами, это недолго, пустая формальность. — Старший кивнул в сторону противоположного края площади. — А ты этого веди, — скомандовал он напарнику.

По дороге Олег рассказал полицейскому, что случилось.

— А, — протянул тот, — так вы про время спросили?

— Да, и что?

— Значит, вы у нас гость. У нас гости редко бывают. Вы как к нам попали?

— Приехал, то есть пришел. Доехал до... — Олег назвал городок, в который его привез желтый автобус, — а дальше пересел на другой, часа два ехал, потом сошел, пересек большое поле с какой-то травой. Потом лесом, потом опять по дороге и вот....

— Долго вы шли, — заметил полицейский.

— Да нет, не слишком, — сказал Олег и подумал, что шел он действительно долго.

— Вот и пришли, — подытожил полицейский.

Они поднялись по каменным, с острыми краями ступенькам, зашли в кабинет, перегороденный пустым столом, возле которого стояли два стула с одной стороны и два с другой.

Сели. Старший полицейский был дружелюбен. Младший возился с хулиганом.

— Документы, пожалуйста, — обратился он к нему.

Тот раскрыл паспорт на первой странице, с полным именем и годом рождения. Олег глазами пробежал страницу: Семён Николаевич Смирнов. Год рождения был с конкретной датой, был и год смерти, но он был прописан без числа. Смерть датировалась нынешним годом.

— Никогда не видел ничего подобного, — сказал Олег. — Странная запись.

— Все как есть, — молвил старший.

— Господин полицейский, — сказал Олег, — вам что от меня нужно? Я ничего не нарушил, просто дал сдачи.

Полицейский повел плечами.

— Вы не понимаете. И не должны понимать. Вы видели паспорт?

— Да.

— Вы видели годы жизни? Вы заметили, что срок ее прописан: и начало, и конец.

— Это невозможно.

— Невозможно. Но у нас в городе — возможно.

— Это розыгрыш?

— А вы встречались с такими розыгрышами? Я вам больше скажу. В паспорте, наверно, есть вкладыш, бумажка, где указан месяц, а у кое-кого и день смерти... . Продолжать?

— Раз уж начали.

— Так вот, этот парень, по вкладышу, уйдет сегодня. Он это знает. Но в последнюю минуту некоторые отказываются в это верить. Пока живем, привыкаем, а перед последним звонком не хотим верить. В последний момент каждый хочет отличиться, что-то натворить. Чтобы оправдаться за прежнюю скучную жизнь или чтобы просто не забыли. Вот и этот захотел, тут вы и подвернулись. Я вас понимаю, — продолжал полицейский. — Сам бы не поверил. Я сюда тоже пришел, как

вы. И остался... Отсюда почему-то не уходят. Короче, сейчас выйдет этот Смирнов, а через минут десять — вы. Сами все увидите.

— Что я увижу?

— Когда увидите, сюда не возвращайтесь. Это ни к чему.

Олег посидел какое-то время и вышел. Раздался визг тормозов, потом вязкий стук упавшего тела. Олег по куртке опознал лежавшего на мостовой Смирнова.

Вокруг мертвого быстро собралась небольшая толпа. Женщина в коротких брюках склонилась над ним, и до Олега донеслось: «Все нормально, так и должно быть».

«Это какое-то безумие, — подумал Олег. — Страшного ничего нет. Просто я не врубаюсь в ситуацию. А если принять игру, лечь сейчас здесь на улице и закричать: “Умираю”? Но лучше спросить, где вокзал, сесть в поезд и уехать.

— Как добраться до вокзала? — обратился Олег к обогнавшей его девушке.

Она остановилась.

— Вам нехорошо?

— Почему вы спрашиваете?

— У вас такой взгляд...

— Да нет, все в порядке, мне просто нужно на вокзал.

— Вы хотите уехать?

Олег внимательно посмотрел ей в лицо. Оно было красиво. Покой и обаяние.

— Вы торопитесь?

— Да, тороплюсь.

— Вы никуда не торопитесь. — Она говорила мягким голосом и слегка в нос. —

Вы хотите уехать отсюда?

— Да, — ответил Олег решительно. — Я хочу уехать из вашего города.

— Сегодня вы отсюда точно не уедете.

— Почему?

— Потому что не сможете.

Конечно, надо было бы узнать у нее почему. Но вместо этого он спросил:

— Что же мне делать?

— Вы новенький? — спросила женщина. — Помочь не могу. Лучше пойдете ко мне. Отдохнете, переночуете, а утром вместе подумаем.

И Олег пошел за доброй девушкой, не спросив ее имени, не думая, зачем он идет.

Она привела его в желтый подъезд, вызвала лифт с деревянными панельками, подняла на пятый этаж, длинным ключом отперла железную дверь, пропустила его вперед. Потом зашла сама, повернула Олега лицом к себе, поцеловала в губы и представилась:

— Ольга.

— Олег, — ответил Олег и обнял ее. Он не знал, что делать дальше с девушкой, назвавшейся Ольгой, но не хотел отпускать ее от себя.

— Ты зачем ко мне пришел? — спросила Ольга, когда они лежали на широком диване, одетые, тесно прижавшиеся друг к другу. — Ты зачем сюда пришел? — повторила она и по слогам добавила: — О-лег. Мой О-лег. Я люблю тебя.

Олег оторвался от нее, сел на стул, обхватил голову руками.

— Откуда ты знаешь, что я — Олег?

— Так ты мне сам только что сказал.

— Ах, да. Я — О-лег. А ты — Оль-га.

— Ты меня любишь? Нет, ты меня не любишь. Но я стану твоей любовью.

Понимаешь?

— Понимаю, — соврал он.

— Ты ничего не понимаешь.

Она стала раздеваться. Олег взял ее за руку.

— Погоди, погоди, пожалуйста. — Ольга сбросила лифчик, а он все сжимал ее руку. — Не сразу. Скажи, пожалуйста, где я? Почему так много часов и почему нет церквей? Даже на площади.

— Ладно, расскажу. Только сначала поверь, что я тебя люблю. Куда ты попал? Туда, где знают, когда умрут, когда кончится их жизнь. Поэтому так много часов, которые нам об этом напоминают. Количество часов в городе всегда одно и то же. Их иногда чинят. На машинах приезжают люди в желтых комбинезонах и что-то внутри крутят. А церкви не нужны. Говорят, когда заходишь в церковь, начинаешь считать, сколько тебе осталось. Спрашиваешь об этом... ну, у него... у Бога. Так здесь и без него про это знают. И не смотри на меня так. Я не сумасшедшая. «Сколько времени» у нас не спрашивают. У нас такая традиция, вроде закона.

— Получается, я его нарушил?

— Каждый, когда ему исполняется двадцать лет, узнаёт, когда он умрет. В паспорте ставят «год смерти». Мы живем, как поезда, по графику. Выходим замуж, заводим детей. Тех, кому предстоит умереть раньше, на работу берут охотнее. «Ранние» стремятся больше успеть. Когда знаешь, что скоро... одним словом, хватается от жизни больше.

Некоторые просят, чтобы им дали вкладыш, где указан месяц и даже день смерти. Есть любители, которые считают оставшиеся до конца дни, часы, минуты, даже секунды. Оказывается, можно сидеть, ни о чем не думать, а просто до самого конца считать свои секунды.

В свой час умирают от старости, от болезни, погибают в аварии, или на голову падает ледышка. Случаются самоубийства. Это когда человек не в состоянии больше ждать. Одного такого — он повесился — откачали, потому что он ошибся даже не в месяце, а в целом годе. Поспешил.

Когда человек начинает обходить знакомых, все понимают — зачем. Высший шик — собрать за полгода всех друзей. Но, по-моему, это... это — пижонство.

Ольга положила его руку себе на грудь. Олег нащупал маленький сосок.

— Нравится?

Ольга жалась к нему, а Олег думал, что она знает, когда ее не станет, и поэтому так торопится. Может, по ее часам, он у нее последний.

У нее кто-то наверняка был. Тот, бывший, знал, сколько ему осталось. И ей с ним было проще.

— Зачем я тебе, Оля? Я не хочу знать то, что известно тебе. Лучше жить, не зная, почему я сюда пришел, почему мы встретились.

Женщина беззащитно раскинулась на кровати.

— Видишь, я тебе нужна. И ты мне нужен.

— Я уеду отсюда. Исчезну.

Выдохнув «исчезну», он почувствовал, что никогда не выберется из Ольгиного города.

Ольга отвернулась от него. Олег не обиделся. Он так и не решил, верить ему в этот странный город или это — забытье, сон, который когда-нибудь закончится. Гибель парня в курточке насторожила, но для полного доказательства реальности города и самой Ольги этого было мало.

— Не веришь? — Ольга читала его мысли.

— Не верю.

— Я тоже не верила, когда попала сюда.

— Ты попала сюда?

— Приехала, пришла, как и ты. Сюда многие приходят.

— Почему не уехала? — Он приподнялся на локте.

— А вот не уехала. Взяла и не уехала.

— Что мне делать?

— Остаться со мной.

— Я не хочу знать, когда ты...

— Я тебе не скажу.

— А про меня ты знаешь?

Ольга задумалась. Рукой закрыла ему глаза.

— Ты хочешь, чтоб я узнала?

— Нет, не хочу. Жить, зная про это, не стоит. Нельзя. Зачем? Я живу в нормальном городе, где никто не знает своего срока, — уверенно говорил Олег. — Даже старики, которые хотели бы умереть, не знают, когда это случится.

— Ты когда уезжаешь?

— Я?

— Ты, ты. Ты же уезжаешь?

— А мне можно уехать?

Задав этот дурацкий вопрос, Олег догадался, что начинает принимать город, становится местным жителем и, значит, скоро узнает про то, что здесь должны знать все.

— Ты от меня уезжаешь? — спросила Оля.

— Нет. От тебя не уезжаю.

...Утром, проснувшись, Олег обнаружил, что Оли нет дома. Именно *дома*, потому что место, где его поселили, стало домом.

Олег поднялся с кровати. Большой круглый стол, темная арка, ведущая в коридор, через который он проходил в туалет. У окна желтое, из искусственной кожи, кресло. Пустые стены, только на одной — картина с написанной маслом водой. Не морем, не рекой, а просто водой. Под ногами — серый ковер, на котором стоят серые мужского размера тапочки.

Олег сунул ноги в тапочки и позвал: «Оль-га!» Ему не ответили. Олег встал, раздумывая, куда идти. Правильнее всего было отправиться на кухню, которая за аркой. Можно было прогуляться по комнате. Еще можно подойти к окну и выглянуть из него наружу. Взгляд из незнакомого окна расширяет кругозор и поднимает настроение. Но он боялся окна, потому что за стеклом был тот город, который все еще внушал страх.

Лучше уйти, убежать. А Ольга? Что Ольга? Что случится с этой бабой, заманившей его к себе, залюбившей до полусмерти — у них тут, видно, мужики не ахти какие — и заморочившей ему голову всяким бредом? Надо же было влюбиться в первую встречную, хотя сиськи у нее, конечно, хороши. Но мало ли на свете таких сисек. Кофе на кухне наверняка есть.

Олег снял со стула аккуратно повешенные на спинку джинсы. Растворимый кофе действительно нашелся. Чайник был теплым. Перед уходом Ольга тоже пила кофе. Вот и сыр, самый обыкновенный, как везде. Олег выпил чашку, потом всосал вторую. Теперь надо подойти к окну, выглянуть из него и уехать.

Он шагнул к окну. Опять часы, много часов. Он отшатнулся. И остался в квартире.

Ольга вернулась к обеду. Достала из сумки розовые котлеты, хлеб, пучок редиски, помидоры, плоскую консервную банку.

— Уходил?

— Ты хотела, чтоб я ушел?

— Прости, что притащила котлеты, — извинилась Ольга, — лень сегодня готовить. Я хочу жить с тобой. Но ты для меня другой. Ты — как бессмертный, не знаешь своего времени. А жить, не зная, кто из нас раньше... я не могу.

Женщина говорила с ним, как с умным ребенком.

— Впрочем, — жестко закончила она, — уйти тебе будет непросто. Не с руки, так сказать.

— Ты права, я не хочу уходить *от тебя*. Но *отсюда* хочется уйти. Не хочется... — промямлил Олег, — умирать по часам. Ладно. Сейчас выйду на улицу, но вернусь. Просто хочу убедиться...

— Иди, убеждайся.

Олег застегнул рубашку и пошел к двери. Ольга его не остановила: она заметила, что он не взял с собой рюкзака.

Он отправился на последнюю проверку, толком не ведая, что и как проверять. Зайти в паспортный стол, мэрию, психиатрическое отделение ближайшей клиники, на местную телестудию? И там спрашивать, не знаете ли вы, ребята, случайно, сколько каждому из вас в отдельности, а заодно и лично мне жить осталось? Хорошо, если не отправят в психушку. А если скажут, что знают?

Может, просто спросить у прохожего, у нескольких прохожих, провести социологический опрос? Разные ведь проводятся опросы. Иногда даже спрашивают: «Любите ли вы Бога?» Еще можно, как в прошлый раз, узнать, «сколько времени».

Он выбрал прохожего в разноцветном картузе, пошел за ним. Они шли уже минут десять, когда Картузик оглянулся и, улыбнувшись, спросил:

— У вас ко мне дело? Обознались или хотите что-то спросить?

— Нет, простите. Хотя, скажите сколько времени?

Они стояли на углу улицы под часами.

— А-а-а, — протянул Картузик и внимательно посмотрел на Олега. Потом поднял глаза на уличные часы. — Сами видите сколько.

— Да я так, просто хотел проверить, — попытался оправдаться Олег.

— Ничего проверять не надо.

Картузик пошарил в кармане пиджака, достал клочок бумаги, ручку и что-то старательно написал. Потом, не оборачиваясь, двинулся дальше и свернул в первый же переулок. Олег, как зачарованный, последовал за ним. Его охватила злорада на этого спокойного случайного прохожего, на Ольгу, но главное — на самого себя, ничего не понимающего, не способного ни на что решиться.

Он догнал Картузика, зыркнул по сторонам, замахнулся и ударил его по голове. Кепочка слетела, а ее владелец улыбнулся и упал. Олег наклонился над ним. Тот был мертв. В его руке был зажат тот самый клочок бумаги. Олег легко разжал пальцы, достал бумажку и прочел: «Мое время кончилось. — Дальше стояли число, месяц, год. И приписка: — Теперь ясно?».

Олег вернулся. Его возвращению Оля не удивилась. Она его ждала.

— Не страдай больше, я узнала твое время. Потом скажу. Поживешь — привыкнешь. Если тебе от этого легче, конечно, то знай: у нас с тобой этого времени очень много. — Она поцеловала Олега. — Иди на кухню, я подогрела котлеты.

Он проглотил — оказалось, был очень голоден — котлеты и сказал:

— Я остаюсь. — И добавил: — Я сейчас убил человека.

— Ты никого не убивал, — буднично, даже равнодушно сказала Оля. — Просто подошло его время. — Он ведь об этом знал, был к этому готов. Может, даже сам сказал тебе об этом. Так?

— Так, — ответил Олег и подумал: «Действительно, какая разница, как это произойдет, зато теперь точно знаешь — когда. Так действительно лучше. И спокойнее».